

Мисиева Луиза Ахмедовна

**ОБРАЗ "НИКЧЕМНОГО ЧЕЛОВЕКА" В ЗЕРКАЛЕ АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)**

В настоящей статье рассматриваются различного рода метафоры и национально-культурные компоненты паремиологических единиц, ориентированных на характеристику никчемного человека. Определяется роль языковых символов, являющихся культурными знаками языка, а также оценочные коннотации, свидетельствующие об особенностях менталитета носителей аварского языка. Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что аварские паремиологические единицы, выражающие данный концепт, специально не рассматривались.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 158-161. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

чести, достоинства, совести; **сердце** – это вместилище различных чувств: любви и ненависти, желания и нежелания, радости и печали, спокойствия и тревоги, решимости и нерешительности; **глаз** – орган восприятия и построения своей линии жизни; **голова** – это место, где появляются ответственность перед внешним миром и перед собой, обязанности перед миром, отношение к своему месту в этом мире; **рука** – это возможности человека; **тело** – вместилище плоти и плотских желаний; **ухо** обозначает внимание к внешнему миру, реакцию на обстоятельства; **нос** – средоточие гордости, самомнения; **рот** – не всегда контролируемый поток речи; **губа** – несоразмерные желания, высокомерие; **живот** – невоздержанность; **рог** – борьба за власть, противостояние; **палец** – дозволенность, возможность; **нога** – труд, созидание, движение по жизни; **кровь** олицетворяет родство, род; **мясо** – материальное тело; **плечо** – поддержка, опора, энергитивизация действий другого человека; **дыхание** – духовная сила, аура; **лоб** – передняя часть борьбы за жизнь; **вымя** – средоточие охоты и неохоты делать что-либо, желания или нежелания производить действие.

Таким образом, в рутульской фразеологии каждой части тела придается особое, философское значение, передающее то или иное отношение к жизни и отражающее оригинальную картину мира народа.

Фразеология – это своеобразная система воспитания поколений, мораль, выработанная многими поколениями, которая в каждом языке – духовном наследии того или иного народа – выражается согласно этикету, этике, философскому миропониманию народа, ее создавшего.

Список литературы

1. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

ON THE PHILOSOPHICAL BASIS OF SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUTUL LANGUAGE

Makhmudova Svetlana Musaevna, Doctor in Philology
Dagestan State University
Rutulsveta@mail.ru

The article is devoted to the phraseology of the Rutul language which has not been researched yet. The phraseology of the studied language system shows the original system of world outlook: somatic phraseological units display the special linguistic thinking, correlating the feelings, thoughts, desires, and relations with the world and society with the certain parts of the human body – the receptacles, the focus of abstract notions.

Key words and phrases: the Rutul language; phraseology; somatic phraseological units; reflection of worldview in phraseology; abstract meaning of somatic phraseological units.

УДК 81.367

В настоящей статье рассматриваются различного рода метафоры и национально-культурные компоненты паремиологических единиц, ориентированных на характеристику никчемного человека. Определяется роль языковых символов, являющихся культурными знаками языка, а также оценочные коннотации, свидетельствующие об особенностях менталитета носителей аварского языка. Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что аварские паремиологические единицы, выражающие данный концепт, специально не рассматривались.

Ключевые слова и фразы: аварские гендерные паремиологические единицы; образ никчемного человека; лингвистический и лингвокультурологический аспекты; коды культуры; национально-культурные компоненты.

Мисиева Луиза Ахмедовна, к. филол. н., доцент
Дагестанский государственный университет
luizaah_83@mail.ru

ОБРАЗ «НИКЧЕМНОГО ЧЕЛОВЕКА» В ЗЕРКАЛЕ АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Аварские паремиологические единицы, ориентированные на человека, в специальных научно-квалификационных работах и монографиях не рассматривались.

Отдельные группы паремий характеризуются в разных научных работах. Так, например, паремиологические единицы в сопоставлении с соответствующим материалом русского языка анализируются в кандидатской диссертации З. Г. Абдуразаковой [2], в диссертации Р. Н. Абдулаевой был затронут литературоведческий аспект: исследовалось идейно-тематическое и художественное своеобразие аварских пословиц, поговорок и загадок [1].

В ряде статей рассматриваются лингвистические и лингвокультурологические особенности отдельных семантических групп паремиологических единиц: а) структурно-грамматические и национально-культурные признаки компаративных паремий [3; 4]; б) характер выражения императивной семантики [8]; в) лексико-грамматический состав пословиц и поговорок пространственной и темпоральной семантики [7; 11]; г) особенности лексического наполнения паремиологических единиц, выражающих концепт «труд» [10]; д) морфолого-синтаксический состав как средство формирования паремиологических образов [9]; е) синтаксические особенности пословиц и поговорок, выражающих концепты «пространство» и «время» [6]; ё) затронут также идейно-концептуальный аспект паремий [12; 13].

В собственно лингвистическом аспекте рассматриваемые паремиологические единицы, взятые из [5] представляют интерес тем, что предикатные компоненты в них выражены адъективными или реже деепричастными компонентами, что не очень характерно для узуса, так как в стилистически нейтральных предложениях в аварском языке в конечной позиции обычно употребляется глагольный компонент: *Унев, унев вуклунев* [прич.], *унеб бакIги льаларев* [прич.]. / «Идущий, идущий бывает, куда идет, не знает»; *Кваналевги чIоларев* [прич.], *кунеб жоги льаларев* [прич.]. / «И ест не останавливаясь, и что ест, не знает»; *Рокьобго кьулIаги тун* [деепр.], *кьватIисса льльым баччарай* [прич.]. / «Оставив дома родник, воду с улицы носит» (*здесь и далее перевод на русский язык выполнен автором – М. Л.*).

В качестве предикатов в ряде паремиологических единиц используются формы, образованные сложением с нулевой суффиксацией, характерные для разговорной речи и паремиологических единиц в целом. В качестве второго связанного компонента таких сложных структур выступает усеченная форма слова *гьечIев* / «не имеющий» (отсекается адъективатор *-ев* с классно-числовым показателем). Такие паремии строятся на основе уступительных смысловых отношений (=«хотя..., но...»): *БеумIеркIодо – гIакьдугьечI, хIамIалкIодо – рилъльингьечI*. / «[Хотя] голова большая, ума нет, [хотя] ноги большие – ходьбы нет/=ходить не умеет» (букв. «Большеголовый – ума не имеющий, большеногий – ходьбы не имеющий»). *Вугониги пайдагьечI, гьечIониги чарагьечI*. / «[Если и] существует – пользы нет, [если и] не существует – необходимости [в существовании] нет» (паремиологическая единица отражает образ человека, существование или несуществование которого в силу его никчемности не является актуальным). Обычно такие паремиологические единицы характеризуют лиц мужского пола, что связано со строгими требованиями к ним, традиционно связанными с менталитетом носителей аварского языка.

В отдельных компаративных паремиологических единицах предикативную функцию выполняют аналитические формы, построенные по модели «существительное [обозначает вещественный признак] + *гьечIев* / «не имеющий»»: *ГанчIидаса тIотIоегIан рукьалье пайда гьечIев*. / «[Столько же, сколько] от камня для мухи, пользы не имеет» (букв. «не имеющий»).

В начальной позиции ряда характеризуемых паремиологических единиц используется инфинитив, обозначающий то, что должен уметь делать человек, но не умеет (принцип логического противоречия), а предикативные компоненты оформляются причастиями в позиции финитной формы глагола. Паремиологические образы такого характера построены на логическом противоречии между тем, что должно быть, и тем, что в действительности есть: *Гьабизеги льаларей* [прич.], *льабизеги бокьуларей* [прич.]. / «Ни делать [как] не знает, ни знать [как делать] не хочет»; *Гьабизеги льаларей* [прич.], *кваназеги льаларей* [прич.]. / «Ни готовить не умеет (букв. «не знает [как]»), ни есть не умеет (букв. «не знает»»).

Предикативный компонент *гурев* (1 кл.) / *гурей* (2 кл.) с выделенными классными показателями в значении «не имеет / не имеющий» часто используются в паремиологических единицах с имплицированным союзом *я... я...* (ср. в рус. *ни... ни...*). Такие паремии негативно характеризуют как внутренние качества, так и внешний облик лиц обоего пола: *КIалдиб ца гурев* [прич.], *цайитIа кIветI гурев* [прич.]. / «Ни зубов [красивых] во рту, ни губы над зубами» (использована форма единственного числа *ца* / «зуб» в усилительном значении множественности, что достаточно характерно для паремиологических единиц и историко-героических песен). *Нилъее чед гурев, чияе гурга гурев*. / «Ни хлеба для себя, ни каравая для чужих»; *ГлоштIое рохь гурев, рохьдое мегIер гурев*. / «Ни леса для топора, ни пастбища для скота».

Поскольку рассматриваемые паремиологические образы характеризуют отклонения от нормы поведения, то соответствующая негативная коннотация в них выражается отрицательными формами причастий: *ЦIилицI хвелебилан лъехьоларей* [прич.], *льльым тIагIинебилан чердоларей* [прич.]. / «Думая, что веник испортится, не подмела, думая, что вода закончится, не умылась»; *Гьизараб чуруларей* [прич.], *чураараб иIунуларей* [прич.]. / «Испачканную [одежду] не стирает, постиранную не бережет».

Отдельные паремиологические единицы с отмеченной морфологической структурой предиката построены на основе принципа алогизма (=несоответствия тому, что должно быть по логике вещей): *ГIодизе ккедал йоххарай* [прич.], *йоххизе ккедал гIодарай* [прич.]. / «Когда нужно плакать, радуется, когда нужно радоваться, плачет»; *Рос какулаго, рукь кварай* [прич.], *гIака какулаго, нах кварай* [прич.]. / «Мужа ругает, а состояние тратит, корову ругает, а масло ест»; *Вегани – хьибил унтулев* [прич.], *вахъани – мугь унтулев* [прич.]. / «Ложится [если] – бок болит, встает [если] – спина болит».

Часть паремиологических образов имеет компаративную основу. Компаративность может быть имплицированной или эксплицированной при помощи соответствующего компаративного союза *гIадав* (-й) «такой (-ая), как / подобный»: *Вагьизе ккани – херав, хвезе ккани – бахIарав*. / «Если (+ когда) драться нужно – [как] старый [=прикидывается старым], когда (+если) умереть нужно – [как] молодой [=прикидывается молодым]»; *Рижиги тIагIиндал тIураб цIамулъин гIадав*. / «Подобный солевой воде, использованной, когда

закончился чеснок»; *Гладанилан гладамалъ гурев, хлайванилан хлайваналъ гурев.* / «Ни как человек среди людей, ни как скотина среди животных».

В группе характеризуемых единиц реализуются сопоставительно-противительные отношения, чем объясняется использование лексических противопоставлений антонимического характера: *воржине – рештине* / «полетать – спуститься», *гладизе – воххизе* / «плакать – радоваться», *рокъоб – къватлиб* / «дома – на улице», *херав – бахларав* / «старый – молодой», *вегизе – вахъизе* / «лечь – встать», *вуго – гъечло* / «есть / имеется, существует» – «нет / не имеется, не существует», *жиндиего – чияе* / «себе – другим (=чужим)», *гъызараб – чураараб* / «грязная – постиранная (=частая)», *хайир – зарал* / «польза – вред» и т.д.: ср. *Вегани – хъибил унтулев, вахъани – мугъ унтулев.* / «Когда ложится – бок болит, когда встает – спина болит» (образ человека, который жалуется на все); *Вугониги пайдагъечл, гъечлониги чарагъечл.* / «Когда есть – пользы нет, когда нет – и необходимости нет» (о человеке); *Вуклун хайир гурев, хун зарал гурев.* / «Когда есть, пользы нет, когда умирает, вреда нет»; *Гъызараб чуруларей, чураараб џунуларей.* / «Грязное не стирает, постиранное (=чистое) не бережет».

Характеризуемые паремиологические единицы строятся на компаративной основе, предопределяющей использование различного рода метафор (кодов культуры). Прежде всего, обращают на себя внимание гендерно обусловленные паремиологические образы, соотносительные с зооморфным кодом культуры, характеризующие в основном лиц мужского пола: *Воржун хланчлалъ гурев, рештлун гъудулъ гурев.* / «Ни в полете среди птиц, ни на земле среди ворон»; *ГланкӀудул ханазул тӀамуниги, лал бахъуларев.* / «Даже из куриных яиц молотью устроить не может»; *Жал бурияб бацӀ лъугъинчӀев, лълар ххечаб оц лъугъинчӀев.* / «Ни волка не вышло с гривой, ни бык не вышел [=не получился] с острыми рогами».

Как видно из примеров, в части паремий использованы зоонимы, символизирующие мужские качества: *бацӀ* / «волк» (=символ отваги, проворства), *оц* / «бык» (=символ упорства, стойкости, физической силы), *хӀинчӀ* / «птица» (=символ свободы, полета) и др. Усиление таких мускулистных символических образов достигается употреблением сопроводительных определительных компонентов: *гъал бурияб бацӀ* / «волк с гривой»; *лълар ххечаб оц* / «бык с острыми рогами»; *воржун хланчлалъ гурев* / «ни в полете среди птиц...» (=боржунџ хӀинчӀ гурев / «не птица летающая»).

Имеют место паремиологические единицы с телесным кодом культуры, что обусловлено гендерной спецификой характеризуемых паремий: *Вегани – хъибил унтулев, вахъани – мугъ унтулев.* / «Когда ложится – бок болит, когда встает – спина болит»; *КӀалдиб ца гурев цаӀитӀа кӀветӀ гурев.* / «Ни зубов [красивых] во рту, ни губы над зубами» (о никчемной внешности); *Бихъизе лаза гурей, балагъизе куц гурей* / «Ни тела [стройного], чтобы видеть, ни внешности [=красоты], чтобы посмотреть».

Отдельные паремиологические образы соотносятся с религиозным кодом культуры, чем мотивируется употребление слов типа *Аллагъ* / «Аллах», *бусурбан(чи)* / «мусульманин», *как* / «намаз», *хъанч* / «крест», *капур(ав)* / «не мусульманской веры» (=христианин) и др.: *Бусурбанлъун как гурев, капуравлъун хъанч гурев.* / «Ни намаза как у мусульманина, ни креста как христианина»; *Аллагъ разияб гӀамал гурей, гӀадамал разияб тиша гурей.* / «Ни угодного Аллаха характера, ни угодной для людей работы».

Вещно-предметный код культуры характерен для паремиологических образов, в которых составляющие компоненты обозначают орудия действия, предметы бытового пользования (*гӀаитӀи* / «топор», *џилицӀ* / «веник» и т.д.), продукты питания (*нах* / «масло», *чед* / «хлеб», *гурга* / «вид хлеба», *рижи* / «чеснок», *лъльим* / «вода»): *ГлоштӀое рохъ гурев, рохъдое мегӀер гурев.* / «Ни топора для леса, ни пастбища для скота»; *Цилицида барахиун, рукъ чорок тарай.* / «Пожалев веник, дом оставила грязным» (=не подмела); *Жиндиего чед гурев, чияе гурга гурев.* / «Ни хлеба для себя, ни гурга (=вид хлеба) для других»; *Рос какулаго, рукъ кварай, гӀака какулаго, нах кварай.* / «Ругая мужа, состояние тратит, ругая корову, масло ест».

Обобщая отмеченные выше лингвокультурологические особенности аварских паремий, отражающих образ «никчемного человека», следует обратить внимание на негативный характер образов (мужчин и женщин) и соответствующие национально-культурные коннотации. Собственно лингвистические особенности связаны с формами предикативных компонентов и с особенностями их лексико-семантического состава. Специфический в этнокультурном плане характер анализируемых паремий, отобранных нами из сборника аварских пословиц и поговорок [5], определяется названиями национально-культурных реалий и символами, являющимися культурными знаками языка.

Список литературы

1. **Абдулаева Р. Н.** Идейно-тематическое и художественное своеобразие аварских пословиц, поговорок и загадок: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2005. 22 с.
2. **Абдуразакова З. Г.** Компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и русском языках: лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика: автореферат дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2014. 25 с.
3. **Абдуразакова З. Г.** Об особенностях структурно-грамматической организации аварских компаративных паремиологических единиц // Историческая и социально образовательная мысль. Краснодар, 2014. № 1 (23). С. 260-262.
4. **Абдуразакова З. Г., Самедов Д. С.** О типологически общих и национально-культурных признаках аварских и русских компаративных паремиологических единиц // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала, 2009. Вып. III. С. 39-43.
5. **Алиханов З.** Аварские пословицы и поговорки. Махачкала, 1972. (На ав. яз.).
6. **Алиханова Л. Г.** Синтаксические особенности аварских пословиц и поговорок, выражающих концепты «пространство» и «время» // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала, 2011. Вып. V. С. 35-45.

7. Алиханова Л. Г., Гаджихмедова М. Х. Особенности лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц пространственной семантики // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2015. Вып. 3. С. 124-130.
8. Магдилова Р. А. Арчинские и аварские паремиологические единицы императивной семантики // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2014. Вып. 3. С. 166-169.
9. Магомедова А. Н. Морфолого-синтаксический состав аварских паремиологических единиц как средство формирования паремиологических образов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2012. Вып. 3. С. 13-17.
10. Магомедова А. Н. Некоторые особенности лексического состава аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «труд» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2013. Вып. 3. С. 131-133.
11. Самедов Д. С., Алиханова Л. Г. Наименования времен года в аварских паремиологических единицах, выражающих концепт «время» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Филологические науки. Махачкала, 2012. Вып. 3. С. 51-53.
12. Самедов Д. С., Магомедова А. Н. Концепт «смерть» в русской и аварской языковых картинах мира (на материале русских и аварских паремиологических единиц) // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала, 2012. Вып. VI. С. 122-125.
13. Самедов Д. С., Самедов М. Д., Магомедова А. Н. Идея патриотизма в паремиологических единицах разносистемных языков (на материале русского и аварских языков) // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала, 2012. Вып. VI. С. 50-53.

THE IMAGE OF “NEER-DO-WELL” IN THE MIRROR OF THE AVAR PAROEMIOLOGICAL UNITS (LINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL CHARACTERISTIC)

Misieva Luiza Akhmedovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dagestan State University
luizaah_83@mail.ru

This article deals with the different kinds of metaphors and national cultural components of paroemiological units focused on the characterization of neer-do-well. The role of the linguistic symbols, being the cultural signs of the language, and the evaluative connotations which indicate the peculiarities of the mentality of the Avar language native speakers are identified. The relevance of the considered problem lies in the fact that the Avar paroemiological units expressing this concept have not been studied purposefully.

Key words and phrases: Avar gender paroemiological units; image of neer-do-well; linguistic and linguocultural aspects; codes of culture; national cultural components.

УДК 8; 81; 821.161.1

В статье рассматривается мифопоэтическая связь имени Елизавета с его носителями в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста». Множественность прочтения антропонима, обусловленная системой постмодернизма, позволяет репрезентировать как глубинные значения имени, связанные с кодом невесты, так и творческую концепцию автора в целом, которая содержит указание на нивелировку понятий «жизнь» – «смерть» и их цикличность.

Ключевые слова и фразы: мифопоэтика; антропоним; лексема; этимология; семантика.

Мурзич Наталья Эдмундовна

МАОУ СОШ № 6 (с углубленным изучением отдельных предметов), г. Калининград
natasha_murzich@mail.ru

СЕМАНТИКА ИМЕНИ *ЕЛИЗАВЕТА* В КНИГЕ Ю. БУЙДЫ «ПРУССКАЯ НЕВЕСТА»

В основе прозы Ю. Буйды лежит мифопоэтическая система, в которой актуализированы архаичные представления о цикличности жизни и смерти. Подобное миропонимание автора воплотилось в книге рассказов «Прусская невеста» [1], в которой сильно также влияние постмодернизма. Произведения транслируют множество культурных кодов, одним из которых является код невесты. Он отражается в названии книги «Прусская невеста» и одноименного первого рассказа. Рефлексы кода невесты проявляются и в желании автора «обручиться» с землёй (местом действия всех рассказов) – бывшим уголком Восточной Пруссии, перекрёстком прусской, немецкой и русской культуры, и в то же время в невозможности брачного единения. Брачная семантика по-своему преломляется в каждом рассказе. Одним из средств ее репрезентации является имя *Елизавета*, притяжательное прилагательное от которого *Елизаветин* является анаграммой сочетания *невеста ли?* Частица *ли* задает «мерцание» в определении того, являются ли невестами героини рассказов Ю. Буйды.